

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЛИК КОНСЕРВАТИВНОЙ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 марта 2024 г.

Аннотация: в последние десятилетия XIX в. в политике самодержавия и в общественной жизни России усилилось влияние консервативных идей. Консервативные идеологи и политики подвергли острой критике недостатки и противоречия, выявившиеся в общественной, политической и экономической жизни страны после масштабных реформ 1860–1870-х гг. Однако консерватизм не смог создать позитивной программы развития страны и потерпел политическое поражение в начале XX в.

Ключевые слова: Россия, самодержавие, общественная жизнь, идеология, консерватизм, конец XIX в.

Abstract: the conservative ideology began to be most popular in the political life of the Russian autocratic state and in public life of the Russian society as well at the end of the Nineteenth century. Conservative politicians strictly criticized the shortcomings of great reforms which had been undertaken in Russia at 1860s and 1870s. But conservative politicians could not offer realistic program of social, economic and political development of the Russian Empire and therefore failed.

Key words: Russia, autocracy, social life, ideology, conservatism, the end of the 19th century.

Общественно-политическая жизнь цивилизованного или развивающегося государства невозможна без идейного соперничества. Доминирующий в какой-то период либерализм может уступить позиции радикализму; проходит время, и на ведущие позиции выходит консерватизм. Такое идейное размежевание отчетливо проявилось в русском обществе второй половины XIX в. В бурную эпоху отмены крепостного права и других крупных реформ в кругах просвещенного общества и в среде правящей бюрократии был популярен либерализм. Его сторонники настаивали на необходимости преобразования самодержавия в правовую монархию с эффективной экономикой рыночного типа. Практически одновременно в кругах формирующейся демократической интеллигенции довольно быстро распространились идеи слома традиционного государственного строя во имя установления царства полной свободы и экономического равенства.

Как либералам, так и революционерам неизменно противостоял консерватизм. Но если либерализм или радикализм ставили перед собой заранее сформулированные цели преобразования политического строя и социально-экономических отношений (например, введение представительного правления или ликвидацию частной земельной собственности), то консерватизм такой идейной определенностью никогда не отличался. Содержание консервативной идеологии

всегда обусловлено конкретной исторической ситуацией. Охранять можно только то, что еще сохранилось (иногда, впрочем, только в представлениях мыслителей). Например, консерваторы до 1861 г. настаивали на неперменном сохранении крепостного права, в пореформенную же эпоху они противились введению бессловных или всесловных учреждений. И все же теоретики консерватизма пореформенного времени сформулировали несколько основных положений своих доктрин. К ним можно отнести, во-первых, положение о том, что историческое развитие России принципиально отличается от западноевропейского; во-вторых, убеждение в том, что в жизни русского общества решающее значение сохраняет православие как основа духовности; в-третьих, вывод о том, что традиционная иерархия сословного строя необходима для сохранения жизнеспособной организации общественных сил; в-четвертых, уверенность в том, что общинный строй народной жизни антибуржуазен по своему характеру; в-пятых, положение о том, что либерализм и радикализм представляют собой разрушительные доктрины; наконец, в-шестых, убежденность в том, что самодержавие остается единственно возможной для России формой государственного устройства [1, с. 107].

В последние два десятка лет XIX в. русский консерватизм получил редкий шанс на захват инициативы в общественно-политической жизни страны. Совершенное народовольцами царевбийство 1 марта 1881 г. вызвало шок в самых разных социальных слоях и привело к сильному, хотя и кратковременно-

му росту популярности охранительных идей. Важные последствия для судеб консерватизма имело резкое изменение правительственного курса. Царствование Александра III и начало правления Николая II прошли под знаком открытого утверждения приоритета консервативных принципов. Попытки либерального реформирования политического строя были отброшены, консерваторам предстояло доказать, что именно они способны обеспечить оптимальное развитие общества и государства. История давала консерваторам монархической России последний шанс на стабилизацию общественной и государственной жизни. Убедительную характеристику идеологии и практической деятельности консерваторов последней трети XIX в. дала в своих работах В. А. Твардовская [2, с. 276–360; 3, с. 276–360].

Первая реакция консерваторов на трагическую гибель царя-Освободителя выразилась в их практически единодушном осуждении либерального содержания реформ 1860-х гг. М. Н. Катков, редактор газеты «Московские ведомости» и ведущий идеолог пореформенного консерватизма, прямо указывал на то, что новые учреждения слишком быстро следовали одно за другим. Как полагал весьма влиятельный в ту пору консерватор-публицист, преобразования не были должным образом и с достаточной зрелостью продуманы. По его словам, они были «во многом сфабрикованы по чужим лекалам, и потому они внесли с собой массу представлений, которые не имеют почвы и лишены смысла в России» [4]. Основная задача наступившего царствования виделась, следовательно, в ревизии, а еще лучше – в ликвидации пагубных последствий либерального реформирования.

Однако идеологам и практикам консерватизма было не просто найти позитивную платформу политического руководства обновлявшейся страны. Возврат к крепостнической стабильности был объективно невозможен, поэтому шанс на исторический рывок консервативная мысль могла получить не на путях голого охранительства, а лишь предложив собственную концепцию реформирования государства. Для более дальновидных сторонников традиционализма было ясно, что без определенного сближения с идеями правого (или умеренного) либерализма обойтись в новых условиях нельзя. Нужно только, чтобы такое сближение служило не размыванию, а укреплению самобытных устоев отечественной государственности.

В начале царствования Александра III на позициях умеренного консервативного реформизма стоял министр внутренних дел Н. П. Игнатьев, занявший свой пост в мае 1881 г. сразу после отставки лидера либерально-бюрократической группировки М. Т. Лорис-Меликова. Весной 1882 г. Игнатьев предложил подвести под здание самодержавия опору все-

ного представительства в форме возрожденного Земского собора. Позаимствованная у славянофилов идея легла в основу проекта, который завершал довольно длительную кампанию по восстановлению нарушенного единения монарха с землей [5, с. 449–460]. Такая либерально-консервативная позиция имела определенную традицию. В 1870-е гг. планы консервативного реформирования вынашивал начальник III Отделения граф П. А. Шувалов, считавший, что только опора на просвещенные слои дворянства обеспечит государственной власти необходимую крепость. «Нужно, – заявлял он, – энергически поддерживать и восстанавливать дворянство и землевладение, так как без этих элементов, консервативных и здоровых, не может существовать правильно организованное общество» [6, с. 237]. Свои политические убеждения Шувалов реализовал в отклоненном императором проекте учреждения дворянского и земского представительства, способного, с его точки зрения, обеспечить устойчивость правительственным начинаниям в области социально-экономических отношений [7, с. 107–115]. Политическим ориентиром русскому шефу жандармов служила консервативная Англия с ее традиционно высокой ролью лордов.

Одним из наиболее ярких теоретиков консервативного реформизма 1870–1880-х гг. был генерал Р. А. Фадеев, на идеи которого как раз и опирался очень влиятельный до 1874 г. П. А. Шувалов [8, с. 166]. Этот незаурядный публицист еще в 1874 г. выступал в печати со своеобразными планами стабилизации внутривластного положения России. Генерал полагал, что самым надежным способом укрепления власти может быть ее опора на «культурный слой», который в России составляет дворянство. В изданной тогда же книге Фадеева предлагалось проведение регулярных созывов губернских предводителей дворянства, через которых правительство сможет получать достоверную информацию о нуждах страны и установить таким путем живую связь с землей [9].

Неожиданная отставка П. А. Шувалова в 1874 г. подвела черту под планами организации дворянского охранительного представительства. Но сам Фадеев к идеям консервативного реформизма вернулся еще раз, теперь уже на рубеже 1870–1880-х гг., когда самодержавие переживало тяжелый кризис, сопровождавшийся ростом революционного движения, в том числе и в форме террора. С апреля 1879 г. по апрель 1880 г. он подготовил (при участии И. И. Воронцова-Дашкова) 12 «Писем о современном состоянии России», вышедших с личного разрешения Александра III отдельной книгой осенью 1881 г. [10].

В трудное для империи время Фадеев счел необходимым напомнить, что самодержавие – это

«краеугольный камень русской истории в настоящем и будущем», что оно в сущности представляет собой «наше родовое определение власти», точно так же как фикция народного суверенитета является таковым для некоторых других стран. Но разница огромна: «наш принцип одарен живую совестью, отсутствующую у второго» [там же, с. 100]. Правда, со времени петровских преобразований характер отечественной власти начал портиться, что прежде всего выразилось в почти двухвековом подавлении жизни бюрократической формальностью. Петру, писал генерал, поневоле пришлось взять на себя задачу продвижения вперед отставшей страны, непросвещенное общество не могло дать ему полезных советов. Задача создания могущественной империи осуществилась блестящим образом. Однако за такой успех пришлось заплатить высокую цену: начался безудержный рост бюрократии, способной остановить нормальное течение общественной жизни. Революционный нигилизм, утверждал Фадеев, стал порождением бюрократического своеволия и общественной апатии, народных корней у него нет.

Бюрократия никогда не нуждалась в общественном доверии и уже по этой причине она не могла обеспечить устойчивого развития страны при сохранении здорового консерватизма. Чтобы избавиться от грозящих России социальных болезней, самодержавие должно покончить с бюрократическим засильем и вернуться на традиционную почву общественного согласия. Для опасений нет никаких оснований – «весь устой русского государства исчерпывается ныне четырьмя словами: народная вера в царскую власть». Русские самодержцы всегда были «земскими царями» [11, с. 303]. К середине XIX в. фактически бесконтрольная бюрократизация грозила, по мнению Фадеева, испортить исторический путь России. Реформы потому и стали сопровождаться негативными процессами, что они проводились либеральными бюрократами без санкции благонамеренных сил общества, в первую очередь дворянства. Если не желать гибели страны, из прошлого пора извлекать уроки: «Возможно ли помыслить, чтобы верховная власть, пожертвовавшая в сознании своей всесловности и потребностей будущего такую силою, как дворянская, захотела снова сузить под собой почву и основаться, хотя бы временно, на такой *своей* силе, каково нынешнее полукрасное и несвязное чиновничество? Есть ошибки невозможные для вековых правительств» [9, с. 69–70].

Фадеев нашел способ, как можно разом избавиться и от бездушного бюрократизма, и от гнилого либерализма, и от разрушительного нигилизма. Нельзя забывать, подчеркивал он, что «современная русская тяжба возникает не между царем и народом, а между бюрократическим полчищем и верною царю землею».

Поэтому конституция западного типа нам совершенно не нужна, мечтать о ней могут только беспочвенные люди (правда, сетовал Фадеев, их сейчас у нас много). Спасти нас может только возврат власти на историческую почву единения со здоровыми силами общественного самоуправления. Для этого, полагал автор, нужно использовать вновь созданные земства. Доверие к земству и конструктивный диалог с ним оздоровят общественную жизнь, покончат с чиновничьим произволом, вернут в самоуправление лучшие силы дворянства. Развитие земского начала должно базироваться не на формальных соглашениях, а на нравственности народа. «Развитие земских учреждений до высшего предела, до учреждений всероссийских, – писал генерал, – не ставит вопроса ни об источнике власти, ни о разделении властей в государстве, в противоположность развитию конституционному, существенно основанному на таком делении» [там же, с. 82].

Фактически принимая основное требование земских либералов, Фадеев спешил наполнить его консервативным содержанием. Никакого формального ограничения прав монарха он не допускал, выстраивая совершенно утопическую модель грядущего согласия между землей и царем в обход злонамеренной бюрократии. Генерал считал, что ничего общего с подражательной конституцией на западный лад его предложение не имеет. «Русские люди, твердо стоящие на народной почве, – писал он, – не обращенные в космополитов, видят перед собой иной путь: они желают закладки современного государственного строя снизу, желают развития действительно всесловных земских учреждений до законного их предела и выхода *домашней* русской жизни на свет» [19, с. 71].

Консервативный реформизм строился на совершенно умозрительном предположении о том, что обремененные доверием высшей власти и «достроенные» земские или сословные учреждения никогда не будут оппозиционными. Точно так же и Н. П. Игнатьев был убежден в неизменной преданности Земского собора принципам неограниченного самодержавия. Но в правительстве Александра III, как, впрочем, и у самого монарха, сложились совсем иные убеждения. В течение нескольких лет роль главного идеолога царствования принадлежала обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, твердо убежденному в фантастичности расчетов на консервативные начала любого представительства. Для него было слишком очевидно, что всероссийское земство или Земский собор в реалиях того времени непременно станут трибуной для политически активной интеллигенции вопреки всяким планам романтиков от консерватизма. После отставки Н. П. Игнатьева и назначения на пост министра внутренних дел Д. А. Тол-

стого в идеологии правительственного консерватизма возобладали не реформистские, а сугубо охранительные мотивы. Теоретическое обоснование незыблемости неограниченного самодержавия предпринял всесильный обер-прокурор Святейшего Синода.

Константин Петрович Победоносцев (1827–1907) стал символом непреклонного и торжествующего консерватизма дореволюционной России. Образ могущественного «серого кардинала», взявшего духовную жизнь страны под неусыпный контроль, запечатлен в прекрасных стихах А. Блока:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер свиные крыла.
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...

Победоносцев был политической фигурой крупного исторического масштаба и идеологом консерватизма он стал далеко не сразу. Юрист по образованию, он был видным специалистом в области гражданского права, профессором Московского университета. В начале 1860-х гг. Победоносцев принимал участие в подготовке новых судебных уставов, определивших содержание одного из самых смелых преобразований Александра II. Как крупный специалист и умелый педагог он участвовал в воспитании будущих императоров Александра III и Николая II.

Противоречия пореформенного развития и подъем революционного движения заставили Победоносцева изменить свое отношение к либеральным нововведениям. Постепенно в его мировоззрении сложилась определенная политическая концепция убежденного и твердого консерватора. Как глубоко религиозный человек, он полностью разделяет положение о высшем предназначении государственной власти как орудия божественного домостроительства. Через подчинение власти реализуется порядок, начала которого Победоносцев видел в Божьем промысле. Поэтому отказ от подчинения власти – тяжкий грех. Но и пребывание во власти требует полного понимания ее сакральной природы. От носителей власти требуется высокая нравственность и непрерывное самопожертвование [12, с. 23].

Каждое государство Победоносцев рассматривал как неповторимый организм со свойственными ему формами и духовностью, душой же русского самодержавия считал, конечно, православие. Защиту интересов православной церкви в качестве обер-прокурора Синода он считал важнейшей задачей укрепления всего государственного строя России [13, с. 29–71; 14, р. 175].

Будучи искренним сторонником провиденциализма, Победоносцев решительно отвергал применимость рационалистической философии к разработке концепций общественного развития. Философия школы Руссо, писал он, завладела умами, «а между тем вся она построена на ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала» [12, с. 291]. На ложных посылах рационализма строятся, по его мнению, беспочвенные планы как либеральных, так и радикальных преобразований. Преобразовательная горячка захватила сознание многих людей. Между тем, утверждал Победоносцев, для нормального развития общества гораздо полезнее практически *улучшения*, чем масштабное реформаторство. Понятие *развитие*, сожалел обер-прокурор, приобрело у сторонников рационализма значение синонима непрерывных перемен. А это – глубокое заблуждение. «Пора бы, кажется, приняться за серьезную проверку понятия, которое в этом слове заключается; пора бы вспомнить, что этот термин *развитие* не имеет определенного смысла без связи с другим термином *сосредоточение*».

Сама природа, рассуждал Победоносцев, учит, что «всякое развитие происходит из центра и без центра немислимо». Кроме того, всякая новая фаза в развитии наступает только по мере своего естественного созревания и невозможна в результате насильственной или преждевременной ломки. Легкомысленные поклонники преобразований не обращают на это внимания. «Но о природе мы, как будто на беду, забыли и, не справляясь с нею, составляем свои детские рецепты развития: в цветочной почке мы хотим механически раскрыть и расправить лепестки грубою рукою прежде, нежели настала им пора раскрываться внутренним действием природной силы, – и радуемся, и называем это развитие: мы только уродуем почку, и раскрытые нами лепестки засыхают без здорового цветения, без надежды на плод здоровый! Не безумное ли это дело?» Огорчительнее всего то, что таких преобразователей явилось слишком большое число, а жертвою их бессмысленных экспериментов является простой и малообразованный народ [там же, с. 341–344].

Победоносцев был решительным и довольно смелым критиком либерализма. Самодержавие он считал единственно возможной в России формой политического строя. В этом отношении он открыто солидаризировался с традициями славянофилов, которых высоко ценил за готовность противостоять надвигавшимся с Запада «тучам космополитизма и либерального доктринерства». Но, в отличие, например, от Данилевского, он не считал, что самодержавие соответствует условиям российской жизни в той же

мере, как либерализм – западной. Рассуждения о разнотипности цивилизаций его не очень интересовали. Либерализм, демократию и парламентаризм он отвергал в принципе, независимо от их национальной окраски, отвергал как «великую ложь нашего времени». Определяя исторические взгляды Победоносцева, Н. А. Рабкина справедливо отметила их близость изоляционизму, апологии власти и «византизму» [15, с. 64].

Все преимущества демократии, утверждал Победоносцев, носят фиктивный характер. Всеобщее избирательное право ведет к дроблению политических возможностей отдельных людей до ничтожно малых величин, и они легко становятся жертвами демагогов. Европейский опыт свидетельствует о том, что при демократии «правителями становятся ловкие подбиратели голосов, с своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол во время демократических выборов». Преимущество самодержавия состоит в том, пояснял обер-прокурор, что неограниченный монарх действительно независим и всегда может призвать к руководству государственных людей, «просветленных высокою идеей и глубоким знанием». Естественно, что такие люди всегда представляют меньшинство в обществе, но меньшинство наиболее развитое и деятельное. Иное дело, когда соискателям высших должностей приходится апеллировать к мнению большинства: «с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей» [12, с. 278].

Но еще опаснее то, что демократия неизбежно сопровождается быстрым падением нравственности в политической жизни. В самом деле, писал Победоносцев, разве совестливый и действительно честный человек способен на публичное самовосхваление? «Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке». И, напротив, своекорыстные и эгоистические натуры легко продвигаются на выборах. «Такому человеку не стоит труда надеть на себя маску стремления к общественному благу, лишь бы приобрести популярность. Он не может и не должен быть скромным, ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, он *вынуждается* лицемерить и лгать: с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходиться, брататься, любезничать, чтобы приобрести их расположение,

должен подлаживаться под самые пошлые склонности и предрассудки массы для того, чтобы иметь большинство за себя. Какая честная натура решится принять на себя такую роль? Изобразите ее в романе: читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли» [там же, с. 287]. Демократия, следовательно, неотделима от коррупции и усиленной бюрократизации, потому что победители всегда спешат укрепить себя раздачей должностей, «и вместе с тем число должностей непомерно увеличивается не к пользе, а к отягощению народа» [там же, с. 282].

Эта едкая и во многом справедливая критика демократического строя была все же до крайности односторонней. Идеолог русского консерватизма не видел в нем ничего позитивного. Зато, напротив, в самодержавном устройстве он усматривал одни достоинства. Победоносцев упускал из вида, что при оценке преимуществ отечественной монархии он незаметно для самого себя исходил из того самого тезиса о совершенстве человеческой природы, в злоупотреблении которым упрекал европейских рационалистов. Но ему важнее всего было доказать бесперспективность либерально-демократических перемен. Не случайно он брал на вооружение традиционное положение русских консерваторов о надвигающемся упадке деморализованных обществ буржуазной Европы.

Для России, утверждал Победоносцев, демократия опасна вдвойне. Дело в том, что всегда и везде она ведет к росту национализма, с которым сама не может справиться. Народное представительство в многонациональных государствах неизбежно сопровождается развитием сепаратизма. Напротив, неограниченная монархия может сдерживать этот разрушительный процесс, причем не одной силой, «но и уравнением прав и отношений под одною властью». Любые конституционные изменения грозят такому государству распадом. «Провидение хранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – всероссийского парламента! Да не будет» [там же, с. 293]. Собственно, в отклонении от подобной перспективы заключался смысл практической деятельности Александра III и его правительства. В русском обществе долго помнили о краткой, но выразительной реплике императора: «Конституция! Чтобы русский царь присягал каким-то скотам» [16, с. 304].

Усиление охранительных начал в политике самодержавия вызвало оживление консерватизма в периодической печати. Среди журналистов нашлось немало доброхотов, спешивших оказать идейную помощь пошатнувшейся власти. Консервативную, а подчас и откровенно реакционную линию проводили

издания В. П. Мещерского («Гражданин», «Воскресение»), Д. Н. Цертелева («Русское обозрение»), газеты «Русь», «Русское дело» [2, с. 283–288]. Но наиболее влиятельным и одновременно ярким из такого рода изданий была, несомненно, газета М. Н. Каткова «Московские ведомости».

Михаил Никифорович Катков (1818–1887) принадлежал к числу наиболее известных и талантливых публицистов своего времени. Его идейная эволюция отчасти напоминала развитие взглядов К. П. Победоносцева: в начале великих реформ он занимал умеренно-либеральную позицию, но после польского восстания 1863 г. и первых проявлений революционного экстремизма он твердо встал на сторону просвещенного консерватизма. Благодаря незаурядным организаторским и публицистическим дарованиям Катков сумел превратить свои издания в исключительно влиятельную трибуну государственного охранительства. Не занимая никаких должностей в высшей администрации, он фактически играл роль генератора идей для консервативных сил в правительственных сферах [3, с. 3]. Именно его идеи о возможности для России «только одного царского пути», только «единой самодержавной власти» легли в основу программного манифеста 29 апреля 1881 г., определившего консервативное направление нового царствования [там же, с. 209].

Высокообразованный интеллеktуал, он не был узким реакционером. Россия, считал он, должна идти по пути культурного и общественного развития. «Правительственное, как и всякое другое дело, не должно останавливаться и засыпать. Что не идет вперед, то идет назад, мертвоет и падает», – писал он в своей газете. Но идти вперед можно только сохраняя управляемость общественной жизни и оберегая фундаментальные основы государственного строя. Он вполне разделял убеждения К. П. Победоносцева о пагубности поспешной и подражательной либерализации. Катков выступил как решительный оппонент «беспочвенной» интеллигенции, являвшейся, по его определению, главным носителем либеральных и радикальных теорий, совершенно чуждых и даже враждебных нашему народу.

Противостоять разрушительному влиянию интеллигенции, полагал редактор «Московских ведомостей», можно только сохраняя традиционную сословную иерархию с дворянством во главе. Без лидерства первого сословия наше общество непременно войдет в аморфное состояние, что исключит возможность его нормального развития и, напротив, откроет дорогу крайне опасному социальному экспериментированию. «Дворянство, – подчеркивал Катков, – потому только и дворянство, что оно стоит непрерывно и неусыпно на страже общих интересов, между тем как массы народа лишь в минуты чрезвычайной

чайной опасности поднимаются на их призыв. Все достоинство дворянства состоит в чутком, неослабном, разумном патриотизме» [там же, с. 129].

С воцарением Александра III идейное влияние Каткова на политику самодержавия возросло. Он стал одним из главных вдохновителей законодательных инициатив, направленных на консервативную корректировку преобразований предшествующего царствования (так называемых «контрреформ»). Его редакция превращается в своеобразный «серый кабинет», в стенах которого шло закулисное конструирование государственного курса [17, с. 71]. Хорошо осведомленный в делах высшей политики государственный секретарь А. А. Половцов отмечал: «Рядом с законным государевым правительством создавалась какая-то новая, почти правительственная сила в лице редактора «Московских ведомостей», который окружен многочисленными пособниками на высших ступенях управления...» Весь этот двор собирается у Каткова, «открыто толкует о необходимости заменить такого-то министра таким-то лицом, в том или другом вопросе следовать такой или иной политике, словом, нахально издает свои веления, печатает осуждения и похвалу и в конце концов достигает своих целей» [18, с. 461].

К теоретическому обоснованию консервативной политики Катков привлекал и свежие силы. В 1885 г. он поместил в «Русском вестнике» обширную статью уездного предводителя дворянства из Симбирской губернии А. Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос». Среди памятников консервативной мысли 1880-х гг. этот труд занял видное место, прежде всего благодаря четкой определенности выраженных в нем положений. А. Д. Пазухин признал состояние России «смутным и неопределенным». Объяснял он этот печальный факт либеральной направленностью реформ 1860-х гг., стремлением их организаторов к уравниванию прав сословий. Как бы соглашаясь с тезисом известного философа К. Н. Леонтьева, что любое уравнивание чревато разрушением общественного организма, Пазухин указывает, что реформы угрожают существованию основных сословий России, прежде всего дворянству и крестьянству. Между тем крестьянство – это главный элемент государственной силы, а дворянство – хранитель государственного сознания и политических преданий [19, с. 10]. Реформы (особенно земская и судебная) нарушили межсословные связи и их отношения с верховной властью. Но именно на таких связях и отношениях держался наш государственный порядок.

Следствия от столь бездумного нарушения традиционных устоев оказались самые плачевные. Прежде всего, размывается народная нравственность и на смену патриархальной сдержанности идет натиск

корысти. Там, где поместное дворянство теряло свое влияние, там власть очень быстро прибирала к своим грязным рукам новоявленные стяжатели. «В этом непрочном, неустойчивом положении бессловной среды мы склонны искать объяснение той страсти к наживе, которая охватила русское общество со времени реформ прошлого царствования. Деньги сделались единственной притягательной силой. Лишенные нравственной опоры и поддержки бытовых союзов, бессловные люди только в деньгах стали видеть средство приобрести общественное положение, утраченное с разрушением сословных связей... Добывание денег при помощи преступлений сделалось явлением повседневым, а бессловная Россия, в лице института бессловных присяжных, весьма недвусмысленно признала это явление вполне нормальным» [там же, с. 40].

Еще одним печальным следствием нарушенных традиций стало появление в России разночинной интеллигенции, сразу же поставившей себя во враждебные отношения к национальным устоям. «Любовь к отечеству и преданность престолу, являясь необходимым условием сословной жизни, если не отсутствуют вполне, то составляют лишь случайный и ничтожный элемент в жизни бессловной *интеллигенции*» [там же, с. 39]. Отсюда столь быстрое развитие чуждого народу политического брожения. Но все еще, считал Пазухин, можно исправить. И для этого нет нужды возвращаться к дореформенным порядкам, тем более что историю нельзя повернуть вспять. Достаточно восстановить прежнее значение сословий, в новых учреждениях в том числе. «Остановив твердою рукой стремление к дальнейшему систематическому разрушению последних устоев государственной жизни, правительство должно немедленно приступить к исправлению в существующем политическом порядке всего, что содействует ослаблению этих устоев» [там же, с. 54].

Из своих наблюдений Пазухин делал, таким образом, вполне консервативный вывод: дальнейшее развитие страны должно идти на основе сохранившихся традиций в организации государственной и общественной жизни. Судьба предоставила ему возможность проверить на практике выдвинутые идеи. Министр внутренних дел Д. А. Толстой назначил его правителем дел собственной канцелярии и подключил к составлению консервативных законопроектов. Реализация консервативных идей в конкретные мероприятия принесла видимый, хотя и недолгий успех. Царствование Александра III проходило под знаком стабилизации внутривластной обстановки и при ощутимых достижениях в экономическом развитии [20, с. 469]. Но историческое развитие страны очень скоро подвело черту под консервативным успокоением. Прошли считанные годы, и государство погрузи-

лось в пучину социально-политических потрясений. Ставка на неограниченное самодержавие, сословные преимущества дворянства и неподвижность крестьянского общинного мира не соответствовала реальному состоянию общества. На органический недостаток консервативного мировоззрения того времени обратила внимание О. Е. Майорова. Она убедительно показала, что консервативные утопии той поры были порождены, в частности, избытком исторического пессимизма [21, с. 172–173]. Консервативная мысль не меньше либеральной страдала от избытка иллюзий. При защите традиционных институтов плохо учитывалось их реальное состояние. В систему аргументов выносилось идеальное представление о самодержавии, сословности, общинности и эту слабость весьма эффективно использовали оппоненты. Раскол между политически активными социальными слоями и властью приобрел драматическую глубину. Консервативные идеи в итоге были отброшены на обочину истории, и империя рухнула.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский консерватизм : проблемы, подходы, мнения // Отечественная история. – 2001. – № 3.
2. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. – М., 2000.
3. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. – М., 1978.
4. Московские ведомости. – 1882. – 8 нояб.
5. *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов / П. А. Зайончковский. – М., 1964.
6. Былое. – 1907. – № 1.
7. *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л., 1978.
8. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // Исторические записки : в 120 т. – М., 1988. – Т. 116.
9. *Фадеев Р. А.* Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть?) / Р. А. Фадеев. – СПб., 1874.
10. Письма о современном состоянии России. – СПб., 1881.
11. *Ананьич Б. В.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1181–1883 гг. / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин // Исследования по социально-политической истории России. – Л., 1971.
12. *Победоносцев К. П.* Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб., 1996.
13. *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III / А. Ю. Полунов. – М., 1996.
14. *Byrnes R. F.* Pobedonostsev : His Life and Thought / R. F. Byrnes. – Bloomington ; London, 1968.
15. *Рабкина Н. А.* Константин Петрович Победоносцев / Н. А. Рабкина // Вопросы истории. – 1995. – № 2.

16. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. – М., 2000.

17. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце столетия / П. А. Зайончковский. – М., 1970.

18. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова : в 2 т. – М., 1966. – Т. 1.

19. *Пазухин А. Д.* Современное состояние России и сословный вопрос / А. Д. Пазухин // Русский вестник. – 1885. – № 1.

20. *Боханов А. Н.* Император Александр III / А. Н. Боханов. – М., 1998.

21. *Майорова О. Е.* «Я живу постоянно в рамках...» (о культурно-психологической подпочве политической концепции К. П. Победоносцева) / О. Е. Майорова // Казань, Москва, Петербург : Российская империя взглядом из разных углов. – М., 1997.

*Воронежский государственный университет
Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru*

*Voronezh State University
Karpachev M. D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru*